

Отзыв на диссертацию Арчила Савелича Балахванцева

«Политическая история ранней Парфии», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Диссертация А. С. Балахванцева, которая, насколько я знаю, недавно увидела свет в качестве монографии, посвящена важному, но скупо освещенному источниками периоду истории Востока: становлению и раннему периоду истории парфянского, аршакидского государства.

От парфян осталось очень мало письменных сведений – в основном это эпиграфика, и историкам приходится оперировать иноземными, преимущественно греко-римскими источниками, данными археологии и нумизматики. Неудивительно поэтому, что эта тема является ареной живейших споров историков-классиков, иранистов, нумизматов и археологов.

Настоящая работа – как и связанные с ней статьи соискателя – выглядит весомым и аргументированным продуктом этой дискуссии, с которым непременно будут считаться как единомышленники Балахванцева, так и его оппоненты. Автор начитает свое исследование и исторической и актуальной (в такой последовательности!) географии региона, изучает предысторию народа дахов, социально-экономическое положение при селевкидах, возникновение парфянского царства согласно разным источникам, сатрапа Андрагора, первое завоевание Аршака, контрудар Селевкидов, «темное двадцатилетие» и обрывает изложение на завоевательных походах Митридата, принявшего титул царя и превратившего Парфию в мировую державу своего времени.

Рецензент сразу должен признаться, что может считать себя специалистом в очень немногих их методов исторической науки, которыми оперирует автор, и потому не может выступать компетентным судьей всего текста, в дальнейшем будет ограничиваться тем, что ему ближе – вопросам иранского языкознания, ономастики, топонимики.

Мне представляется вполне последовательной и непротиворечивой идея автора о раннем расселении дахов (включая апарнов) на южном Урале, а затем на окраинах Согда и Хорезма, хотя я вполне допускаю что не все археологи согласятся с предложенной датировкой курганных могильников. Наличие топонима *Daḫkaθ* в Ташкентском оазисе могло бы говорить и о северо-восточном ареале этого народа. Как мне кажется, в работе блестяще показано взаимодействие эллинов и варваров в селевкидском государстве, которое нельзя сводить к уравнению этнических и классовых различий. Образцовым и по изложению материала, и по аргументации является исследование автора об отпадении Хорезма (которое мне доводилось читать в труднодоступном сборнике по истории государственности Узбекистана!)

Я не готов согласиться с мнением многоуважаемого автора что «... сходство или совпадение разновременных топонимов является весьма шатким основанием для подобного рода выводов» [т. е., суждения о расположении того или иного древнего топонима - ПЛ]. Конечно, существование и переносы названия на другую территорию, и переименования, и повторяющиеся географические названия (в иранском мире были как минимум три топонима **Nisāya-* букв. «склон»: в Мидии, откуда нисейские жеребцы, в Туркмении и в Фергане, а топонимов **Rāga-* со сходным значением было еще больше). В большинстве случаев сохранение нетривиального топонима является надежным

средством отождествления и мне представляется бесспорным соответствие Астауены Исидора и *Ustiwā* географов раннеисламского времени. Для локализации Атрека очень важно соответствие Хнэнты (вернее, Хрэнты), области гирканцев по первому фрагменту Видевдата, *Charinda* у Тацита и *Xarīnd*, ерки в Гургане по Худуд ал-Алам. Рассуждения об области проживания прикаспийских амардов (с. 251 и сл) были бы надежнее, если бы автор привлек мазендаранский город *Āmul*, название которого закономерно восходит к древнеиранскому *Āmarda-*.

Мне не кажется убедительным объяснение топонима **Parθava-* через загадочный язык массагетов, они же – саки-тиграхауда (оставим последнее соответствие в стороне). Во-первых, языка этого народа мы не знаем. Во-вторых, он не обязан соответствовать языку понтийских скифов, даже если в последнем, по Витчаку и Кулланде, был переход **s > θ*. Восточноиранские слова, встречающиеся в парфянском, такого перехода не демонстрируют. Кажется куда как более экономичным то объяснение, что название области пришло в древнеперсидский и, как следствие, в греческий (как и собственно в парфянский) в его *древнеперсидском* произношении, где **s > θ* подтвержден десятками примеров.

Из совсем частных замечаний отметим упомянутого в географическом обзоре современной фауны Прикаспия тигра (с. 57) – последний мазендаранский тигр был отмечен в 1950-е гг. Тем более странно видеть ссылку на Страбона при описании *нынешней* флоры того же Прикаспия. Не очень благозвучен используемый автором термин «арамейскогеографичный» (с. 7), мне привычнее «арамеогеографичный».

Резюмируя, должен сказать что высказанные замечания не влияют на мою высокую оценку сделанной А. С. Балахванцевым работы, которая представляется достойной присуждения ее автору ученой степени доктора исторических наук по специальности «Древняя история»

Отзыв составил П. Б. Лурье, кандидат филологических наук,
зав. сектором Средней Азии, Кавказа и Крыма Отдела Востока
Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая Набережная, 34
э-мэйл pavlvslyria@mail.com

Подпись П. Б. Лурье заверил: ученый секретарь Государственного Эрмитажа

М. М. Дедюгина

05.06.2019

